

С. И. Михальченко, Е. В. Ткаченко

РУССКИЕ ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ПРАГИ 1920–1930-х ГОДОВ ГЛАЗАМИ ЭМИГРАНТОВ*

Статья посвящена мемуарам русских эмигрантов первой волны (1920–1930-х годов) как источнику по истории пражских высших учебных заведений эмиграции. Основное внимание уделяется неопубликованным «Воспоминаниям» юриста и философа Е. В. Спекторского, хранящимся в Архиве Института Восточной Европы Бременского университета (Германия), и беллетризованным мемуарам Г. Федорова «Прага Золотая». В статье используются также свидетельства из воспоминаний эмигрантов Н. Н. Алексеева, Н. Е. Андреева, В. В. Зеньковского, Б. Н. и Н. О. Лосских, С. Г. Пушкарева, А. Головиной и др. Делается вывод о том, что при всей высокой информативности мемуаров они обладают значительной степенью субъективизма, поэтому не могут выступать в качестве единственного источника при реконструкции истории высшего образования русской эмиграции. Библиогр. 20 назв.

Ключевые слова: высшее образование, русская эмиграция, Прага, мемуары, Е. В. Спекторский, Г. Федоров.

S. I. Mikhailchenko, E. V. Tkachenko

RUSSIAN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF PRAGUE IN THE 1920–1930s THROUGH THE EYES OF EMIGRANTS

The article is devoted to the memoirs of Russian emigrants of the first wave (1920s — 1930s) as a source for the history of Prague's institutions of emigrant higher education. The focus is on the unpublished "Memoires" of the jurist and philosopher E. V. Spektorskii stored in the archives of the Research Centre of Eastern Europe, University of Bremen (Germany) and fictionalized in G. Fedorov's memoirs "Golden Prague". Also memoirs by N. N. Alekseev, N. E. Andreev, V. V. Zenkovskii, B. N. and N. O. Losskii, S. G. Pushkarev, and A. Golovina have been used in the article. The conclusion is that, despite all the highly informative level of the memoirs, they have a significant degree of subjectivity and thus cannot serve as the sole source for the reconstruction of the history of Russian emigré higher education. Refs 20.

Keywords: higher education, Russian emigration, Prague, memoirs, E. V. Spektorskii, G. Fedorov.

Мемуарная литература — один из важнейших источников по истории русской эмиграции первой волны. «Для эмиграции мемуары — это и переживание прошлого, и послание в будущее, это и способ жизни», — отмечал Ф. П. Федоров. «Культура Русского Зарубежья чуждается абстракций, — подчеркивал он. — Она возвращает в словесность реального, конкретно-исторического человека...» [Федоров

Михальченко Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, Российская Федерация, 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 14; smikh10@mail.ru

Ткаченко Елена Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, Российская Федерация, 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 14; vishnja.78@mail.ru

Mikhailchenko Sergey Ivanovich — Doctor in History, Professor, Bryansk State Academician I. G. Petrovskii University, 14, ul. Bezhitskaia, Bryansk, 241036, Russian Federation; smikh10@mail.ru

Tkachenko Elena Viktorovna — PhD, Associate Professor, Bryansk State Academician I. G. Petrovskii University, 14, ul. Bezhitskaia, Bryansk, 241036, Russian Federation; vishnja.78@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Становление и развитие высшего образования русского зарубежья (1920-е — 1940-е годы)», проект № 15-01-00209, руководитель С. И. Михальченко.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

2010, с. 9]. Поэтому мемуары эмигрантов полны реалий их жизни за рубежом, часть из них рассказывает и о русских высших учебных заведениях. Высшее образование русской эмиграции первой волны — тема, уже привлекавшая внимание исследователей. Тем не менее, несмотря на то, что существуют как общие очерки по истории высшего образования, так и статьи, посвященные отдельным учебным заведениям [Русские без отечества 2015, с.190–372; Ганин 2005], ряд вопросов остается непроясненным.

Общепризнанно, что одним из главных центров высшего образования русской диаспоры в 1920-е годы стала Прага [Савицкий 2001–2002]. В столице Чехословакии при активной организационной и финансовой поддержке властей, в том числе президента Т. Масарика, нашли прибежище многие деятели русской науки и культуры. Это явилось важнейшей причиной создания здесь нескольких русских высших учебных заведений, таких как Русский юридический факультет, Русский институт сельскохозяйственной кооперации, Русский высший педагогический институт имени А. Коменского, Русский институт коммерческих знаний, Высшее училище техников путей сообщения. Они просуществовали разное количество лет, на них обучалось разное количество студентов. Большая часть из них зачастую лишь перечисляется в мемуарах эмигрантов [Андреев 2008], сравнительно подробную информацию можно почерпнуть лишь о деятельности Русского юридического факультета, прежде всего, и в значительно меньшей степени — о деятельности Педагогического и Кооперативного институтов. Таким образом, цель настоящей статьи — оценить роль мемуаров как источника по истории русского высшего образования в Праге в 1920-е годы.

Русский юридический факультет был открыт 18 мая 1922 г. и просуществовал как учебное заведение до 1929 г., затем около десяти лет он функционировал как административное и научное заведение. За годы работы через него прошли более 1100 студентов, около 40 оставленных при кафедре для подготовки к профессорскому званию и более 20 профессоров и доцентов [Ганин 2005]. Это было самое большое русское высшее учебное заведение в Праге. Вероятно, именно поэтому оно получило наибольшее освещение в мемуарной литературе. Наиболее подробными стоит признать мемуары Е. В. Спекторского — юриста, философа и социолога, в 1924–1927 гг. преподававшего на факультете, а в последний год своей жизни в Праге занимавшего пост декана факультета [Михальченко, Ткаченко 2009]. Его «Воспоминания» долгое время считались утраченными и лишь в последние годы, после обнаружения в архиве, постепенно вводятся в научный оборот [Михальченко 2011]. Во время открытия факультета в 1922 г. Спекторский жил в Белграде, поэтому, не будучи непосредственным свидетелем этого события, ограничился кратким замечанием: «По инициативе Новгородцева в Праге был открыт русский юридический факультет, представлявший, как он выразился, ставку на Россию». При этом мемуарист сразу же обратил внимание на важное организационное обстоятельство: «Считая по скверной традиции, что студенты юристы могут ничего не делать, а также радуясь тому, что не придется засесть за изучение чешского языка, на факультет в числе прочих стали поступать и лодыри. Угрожала опасность, что им пойдут навстречу и такие склонные к педагогической демагогии профессора, как С. К. Гогель и В. А. Косинский. И вот, ставши деканом этого факультета, П. И. Новгородцев сразу же позаботился о том, чтобы это его детище оказалось на

высоте. Кое-какие его начинания в этом отношении были не вполне удачны. Так, например, основываясь на примере немецких университетов, он предложил желающим русским студентам образовать корпорацию «Юстиция», носившую в торжественных случаях под пиджаками синюю ленту через плечо. Но он не учел того, что у чешских студентов не было таких корпораций и что в Праге они были связаны исключительно с немецкой и притом противославянской традицией. Зато огромной заслугой Новгородцева было то, что он сразу подтянул студентов и дал им почувствовать, что «иждивение» будут получать только те из них, которые серьезно занимаются» [Спекторский, л. 568–569].

Безусловным достоинством мемуаров Спекторского являются многочисленные меткие характеристики профессоров факультета. Так, например, среди преподавателей непрофильных дисциплин (а Новгородцев, ориентируясь во многом на опыт дореволюционного Варшавского университета, при составлении учебного плана насытил его большими курсами истории и философии) Спекторский отмечал философов Г. В. Флоровского («несомненно, очень талантливый», но при этом «очень церковный человек со склонностью к вероисповедной исключительности»), Н. О. Лосского («очень религиозный, он был уверен, что исповедует чисто православное мировоззрение. Но, в сущности, у него было некоторое тяготение к теософии. Он противился большевизму и питал симпатию к демократии»), И. И. Лапшина («скептик и рационалист»); историков Г. В. Вернадского («не одобрял украинских симпатий своего отца, но сам склонялся к евразийству») [Спекторский, л. 613–614], А. А. Кизеветтера («блестящий лектор. У него остатки кадетского духа, вызывавшие у некоторых студентов недовольство «крамольным стариком», сочетались с оскорбленным национальным чувством по поводу унижения, нанесенного нашей родине третьим интернационалом. Как и Струве, он решительно боролся против евразийства» [Спекторский, л. 610]. Значительную часть программы юридического факультета по русской дореволюционной традиции составляли экономические дисциплины, читавшиеся по кафедре политической экономии и статистики. Их преподавали известные ученые — бывший петербургский профессор П. И. Георгиевский (читал статистику «по старинке, без применения математического метода. Не совсем ясно было, что хотел он сказать, включая «общественность», как особый фактор, в учение о производстве», В. А. Косинский («производил впечатление непрактичного идеалиста») [Спекторский, л. 599–600], академик П. Б. Струве, недостатком которого, по мнению Спекторского, было то, что он «не прошел, как мы, систематического ученого стажа. Ему, по-видимому, было трудно прочесть законченный курс. Кроме того, его чересчур отвлекала политика. Однажды он в разгаре учебных занятий, не предупредив ни декана, ни студентов, помчался в Лондон и просидел там довольно долго. Должно быть, он считал, что для России это было необходимее, чем чтение регулярных лекций» [Спекторский, л. 602]. На факультете преподавали также бывший варшавский профессор А. А. Вилков («очень добросовестно и вдумчиво отнесся к преподаванию»), приват-доценты А. А. Чупров и Д. Н. Иванцов (последний «несомненно, обладал научным эросом и умел ставить интересные проблемы»). Не забыл Спекторский и историка нижегородской ярмарки П. А. Остроухова, «талантливого, но и честолюбивого идеолога евразийства» П. Н. Савицкого («он жил в Мокропсах, где над его жилищем, как уверяли злые языки, будто бы развевался верблюжий хвост: ставка Чингисхана» [Спекторский, л. 603]). Известный историк

и теоретик кооперации В. Ф. Тотомянец «скорее числился» при факультете, «чем регулярно преподавал в нем». Весьма подробны и характеристики, данные Спекторским профессорам-юристам Д. Д. Гримму, М. В. Шахматову, М. А. Циммерману, А. В. Маклецову, Н. С. Тимашеву и др. [Спекторский, л. 601–603].

Важной частью академической жизни всегда были защиты диссертаций. Не стали исключением и вузы русского зарубежья [Волошина 2005]. Мемуары характеризуют, как диспуты проходили на Русском юридическом факультете. Спекторский, в частности, вспоминал о магистерском диспуте историка права М. В. Шахматова 19 июня 1927 г. «Предварительный отзыв о его книге “Опыты по истории древнерусских политических идей” давали факультету Г. В. Вернадский и я, — писал Спекторский. — Мы указали столько недостатков работы, что при голосовании Гримм и Вилков воздержались. Тогда Шахматов начал всем жаловаться, что мы ему завидуем и что мы невежды. На некоторых членов факультета это произвело такое неблагоприятное впечатление, что они начали поговаривать об отмене диспута. Тогда я через П. А. Остроухова вызвал к себе Шахматова, посоветовал ему в собственных интересах прекратить кампанию против нас, а затем прорепетировал с ним ту часть диспута, в которой должен был принимать участие я. Я предупредил его, что именно я буду возражать. И я же ему указал, что и как он должен был мне ответить. На диспуте Шахматов сначала оробел, а потом, особенно когда в качестве неофициального оппонента выступил С. Г. Пушкарев, стал слишком развязен. Тогда к нему подошел П. П. Кириев¹ и подал какую-то записку. Хотя никто из нас ее не читал и не видел, кем она была написана, но никто из нас не сомневался, что это записка от матери Шахматова Марии Апполоновны и что ее содержание таково: “Славочка, ты выражаешься слишком резко”. В качестве *laudator*'а (отзывающегося с похвалой (лат. — *S. M., E. T.*) выступил Шмурло. И диспут благополучно закончился. После этого Шахматов начал засыпать факультет, учебную коллегия и академическую группу прошениями о том, чтобы ему выдали всевозможные удостоверения о том, что он магистр и профессор» [Спекторский, л. 685–686].

Скандальной оказалась защита диссертации известным в будущем юристом и социологом Г. Д. Гурвичем («Несомненно, талантливый, он был неразборчив и в науке, и в жизни», — так характеризовал его Спекторский). Как отмечал Спекторский, Гурвич представил факультету в качестве диссертации на степень магистра свою работу о Фихте на немецком языке. При этом он сам сознавал неудобство диспута по поводу немецкой книги в недавно освободившейся от немцев славянской Праге. И поэтому хотел получить на это благословение от своего учителя Ф. В. Тарановского. Но Тарановский «ответил ему длинным письмом, в котором доказывал ему всю неуместность такого диспута при тогдашнем общем положении в Праге». Но Гурвич скрыл это письмо и все-таки представил свою книгу на факультет. Спекторский вспоминал: «Как человек, быть может, более опытный, чем мои коллеги, в вопросе о национальных самолюбиях, я был того же мнения, что и Ф. В. Я обратился по этому поводу за разъяснениями к старому пражанину Францеву. Он самым категорическим образом заявил, что такой диспут будет воспринят в Карловом университете и во всем чешском обществе как вызов и что он принесет много вреда нашему факультету. Когда дело обсуждалось в факультете,

¹ Кириев Петр Петрович (1888–1970) — землевладелец, в эмиграции в Чехословакии; секретарь Русского юридического факультета.

я заявил, что независимо от качеств книги неудобно делать ее предметом диспута в Праге и что гораздо более подходящий для этого город Берлин. Некоторые коллеги стали было на чисто формальную точку зрения, как будто мы находились вне пространства и времени. Но, в общем, большинство поддержало меня». В итоге диспут состоялся при берлинской академической группе. Главным оппонентом Гурвича был Н. Н. Алексеев, который позже рассказывал Спекторскому, что Гурвич для того, чтобы стилизовать Фихте в своем вкусе, не остановился перед фальсификацией. «Приводя в кавычках выдержки из его сочинений, он вставлял в них свою отсебятину... На диспуте председательствовал профессор В. И. Ясинский, инженер по специальности, привыкший к точности в науке. И, когда Алексеев показал, как Гурвич обращался с текстами Фихте, это на него произвело такое впечатление, что он послал ему записку с вопросом, не следует ли прекратить диспут. К его изумлению, Алексеев ответил отрицательно. И Гурвич благополучно получил искомую степень магистра. Вскоре после этого руководимый Эйзенманом Славянский институт в Париже из множества русских профессоров в Праге пригласил на кафедру только Гурвича, хотя он к славистике не имел никакого отношения», — завершал рассказ Спекторский [Спекторский, л. 604–606].

Говоря о студенчестве факультета, Спекторский отмечал: «Объективно наши студенты были, конечно, несчастны. Без родины, без семьи, без обеспеченного будущего, они ели чужой хлеб, за что их попрекали с разных сторон: социалисты — потому что они не были социалистами, чехи из России — потому что хотели получить в возмещение понесенных ими убытков суммы, шедшие на иждивение» [Спекторский, л. 621]. Он отмечал также распространившееся и на Русском юридическом факультете общее снижение уровня образования, приводил много примеров курьезных ответов на экзаменах. В целом «Воспоминания» Спекторского стоит признать весьма ценным источником по истории Русского юридического факультета.

Важным, хотя и своеобразным источником по истории этого учебного заведения является книга Г. Федорова «Прага Золотая», совершенно не используемая исследователями, на что недавно уже было обращено внимание историками эмиграции [Демина, Евсеева 2013, с.142]. Книга представляет собой автобиографический роман, фактически вторую часть беллетризованных воспоминаний автора (первая часть в отличие от второй широко известна и используется в исторических исследованиях [Федоров 2003]). Книга была издана в 1927 г. и с тех пор ни разу не переиздавалась, есть далеко не во всех даже центральных библиотеках, являясь тем самым библиографической редкостью. Федоров, учившийся на факультете, а затем репатриировавшийся в СССР, повествует и об организации учебного процесса, и об образе жизни профессуры и студенчества факультета, что особенно важно как одно из немногих мемуарных свидетельств. При этом часть профессоров Федоров называл своими настоящими именами (как и всех политических деятелей Чехословакии), часть скрыта под вымышленными псевдонимами, впрочем, чаще всего легко расшифровываемыми.

Говоря о причинах открытия факультета, Федоров полагал главной причиной этого желание чехословацкого истеблишмента подготовить толерантную ему русскую элиту, которая по возвращении в Россию после крушения большевиков могла бы оказаться полезной: «Правительству важны не те знания, которые получают

русские студенты, учась в своем университете, правительству нужна оппозиция русскому большевизму, неизменно крепнущему с каждым днем» [Федоров 1927, с. 78]. Позднее эту мысль повторил И. Савицкий [Савицкий 2001–2002, с. 100]. Любопытно восприятие современниками известия об открытии факультета. Профессор Завадский (в романе — Заренов) в диалоге с женой говорит: «Ты пойми только, дорогая, как мы, русские эмигранты, должны гордиться этим. Ведь это великий шаг. Первое эмигрантское учебное заведение. Теперь нам коммунизм уже больше не страшен. Мы распространим и привьем здесь свои знания, уже свои незыблемые истины права и законности» [Федоров 1927, с. 36]. Встал вопрос и о наборе студентов на факультет. Дело в том, что к 1922 г. многие русские уже учились в местных вузах (Федоров в первой книге своих воспоминаний рассказывал, как в Константинополе происходил отбор кандидатов на обучение в Чехословакии [Федоров 2003, с. 307–312]). И хотя профессора полагали, что «всегда можно заинтересовать молодежь, применив ряд облегченных мероприятий к переходу на русский факультет», к тому же они считали, что зубрежка на чешском языке малопривлекательна, они рассчитывали также на чувство патриотизма молодого поколения [Федоров 1927, с. 37], по свидетельству Федорова, руководство факультета (например, его секретарь профессор Н. Алексеев) лицам, переходящим на РЮФ (Русский юридический факультет) из чешских вузов, было готово даже предлагать деньги [Федоров 1927, с. 41].

Мемуарист подчеркивал, что в рядах чехословацкого руководства не было единства по вопросу об открытии факультета. В уста близкого к президенту Т. Г. Масарику профессора Яношека (видимо, собирательный образ) автор вложил слова, выражающие сомнения в необходимости открытия факультета. «Вот вы хлопчете об открытии русского юридического факультета, специально для эмигрантов, — говорит Яношек профессору Новгородцеву (в романе — Старогородцеву). — Вы будете перед аудиторией толковать уголовное право, конечно, по вашим старым царским законам, по Уложению о Наказаниях 1885 г., будете проходить полицейское право по уставу благочиния и безопасности. Ну, скажите же, что вы, в старой России, или у нас в Чехии? Или вы забыли, что у них в России — уже свои, совсем другие, новые законы, там у них идет своя жизнь, быть может, и своеобразная, даже нам непонятная, и все же там все переменялось, начиная с мельчайших атомов жизни. Зачем же тогда этот факультет на поросшем мохом забвения фундаменте. Зачем? ... Студенты, которые попадут к вам на ваш факультет, будут выполнять лишь Сизифову работу, наливая воду в бочку без дна» [Федоров 1927, с. 64–65]. Тем не менее факультет был открыт. Федоров оставил описание акта открытия факультета в физической аудитории Карлова университета: «Много русских студентов, но не мало и чехов. Пришли посмотреть на торжественное открытие эмигрантского де-тища. Из профессуры — полный ансамбль во главе с Петром Бернгардовичем Бёмсом (Струве. — *Авт.*) и его супругой. В публике ярко выделялся огромный белый бант писателя Лугина (Чирикова. — *Авт.*). Он пришел сюда вместе со своим сыном Петром и дочерью Нелли» [Федоров 1927, с. 99]. 15 августа состоялось посвящение в студенты, проходившее по средневековым европейским традициям [Федоров 1927, с. 126–131]. Федоров оставил также много свидетельств частной жизни студенчества, подробно писал о нравах, царивших в общежитии, о политических пристрастиях учащих и учившихся и т. п. Конечно, при использовании книги Федорова

в исследовательских трудах нельзя забывать о ее художественной форме, но она, написанная непосредственным участником описываемых событий, как представляется, имеет несомненную ценность в качестве исторического источника.

Во всех остальных мемуарах эмигрантов, живших в Праге в 1920-е годы, встречается лишь отдельная краткая информация о РЮФ. И причина, и цель создания факультета всеми мемуаристами характеризуются одинаково: опираясь на речь основателя факультета П. И. Новгородцева при его открытии, они подчеркивают, что основатель исходил из мысли, что «большевистская власть продержится недолго, и эмигранты вернутся в Россию, которая будет чрезвычайно нуждаться в юридически образованных людях» [Мейснер 1968, с. 168; Лосский Н. 1994, с. 197; Пушкарев 1999, с. 99]. Роль Новгородцева в открытии факультета отмечал и В. В. Зеньковский [Зеньковский 2014, с. 322]. Уделяется мемуаристами внимание и профессорско-преподавательскому составу РЮФ. При этом констатируется его высокий уровень. Так, М. М. Новиков, отмечая, что при поддержке Русской акции «быстро организовались две русские гимназии и несколько высших учебных заведений», подчеркивал, что «из них на первом месте Русский юридический факультет с такими выдающимися силами, как П. И. Новгородцев, Д. Д. Grimm, Е. В. Спекторский, А. А. Кизеветтер, С. В. Завадский и др.» [Новиков 2009, с. 252]. Весьма краткую информацию о преподавателях — со слов секретаря факультета П. А. Остроухова — приводит и Н. Н. Алексеев [Алексеев 1992].

Говоря о защитах диссертаций на факультете, Алексеев называл две фамилии — М. Циммермана и М. Шахматова (которым на первых порах руководил). Кроме того, он полагал, что на РЮФ защитил свою магистерскую диссертацию по философии Герцена Г. В. Флоровский при официальном оппонировании П. И. Новгородцева. Так же считал и Б. Н. Лосский. Он, правда, сомневался в присутствии Новгородцева на защите [Лосский Б. 1994, с. 18–19]. О своем оппонировании Флоровскому (не уточняя, где проходил диспут) упоминал В. В. Зеньковский [Зеньковский 2014, с. 352]. Стоит отметить, что в недавнем исследовании жизни и деятельности историков-эмигрантов в Праге М. В. Ковалев доказательно пишет о защите диссертации Флоровским при Русской академической группе, а не при РЮФ, которому было дано право принимать к рассмотрению только юридические, в том числе историко-правовые, но не чисто исторические или философские сочинения [Ковалев 2012, с. 128–130]. Также следует добавить, что на уже закончившем свою деятельность как учебное заведение РЮФ в 1932 г. была проведена защита диссертации на соискание степени магистра политической экономики и статистики по историко-экономической теме о Нижегородской ярмарке (П. А. Остроуховым), поскольку в состав дореволюционных русских юрфаков (и РЮФ соответственно тоже) входила и упомянутая кафедра. Вместе с тем вышеуказанные разночтения показывают, что современники, видимо, не придавали особого значения формальной стороне дела, а состав участников заседания различался мало, поскольку члены РЮФ состояли одновременно и в академической группе.

Значительно меньше информации оставили мемуаристы о других высших учебных заведениях эмиграции. Чаще всего это просто их перечисление, как, например, у С. Г. Пушкарева [Пушкарев 1999, с. 99]. Тем не менее в некоторых можно найти впечатления и от иных, кроме РЮФ, вузов. Так, в полухудожественных воспоминаниях А. Головиной есть некоторая информация о Русском педагогиче-

ском институте, который поставлял «русским гимназиям в Болгарии, и Институту, и Корпусу в Сербии, свеженький персонал на место умирающих или выбывших в Париж или Берлин, по причине эмигрантской тяги на новое место учителей и воспитателей». Автор воспоминаний встретилась со студентами института, когда они приехали под руководством профессора-психолога Г. Я. Трошина для прохождения практики в русскую гимназию в Моравской Тшебове, где тогда училась Головина в выпускном классе. Собственно, практикой она эти взаимоотношения не называет, по мнению мемуаристки, Трошину однажды «в голову пришла идея проэкзаменовать своих учеников на живом материале и посмотреть вместе с ними, что же это такое на самом деле представляет из себя их будущий питомец». Система прохождения практики в восприятии Головиной выглядела весьма своеобразно: «они внимательно смотрели на наши загадочные лица, спрашивали, что нас интересует (мы отвечали “Ничего”) и каковы наши политические убеждения. Под конец они начали нас очень стесняться и только все что-то записывали на бумажках, вероятно, пункты докладиков или вопросы без ответа. От каждого класса выбирали по приказу Трошина одного хорошего ученика, одного плохого, одного влюбчивого и одного побывавшего в Белой армии; одну ученицу-истеричку, одну талантливую и какую-нибудь “из дерзких”. В библиотеке, в задней комнате, заседали вскоре приунывшие будущие педагоги, терзавшие своим любопытством очередную жертву, которая так часто не укладывалась ни в какие параграфы, ни в какие незыблемые теории» [Головина 1992, с. 310–311]. О своем преподавании в Русском педагогическом институте упоминал В. В. Зеньковский [Зеньковский 2014, с. 313, 370], при этом никаких подробностей жизни этого учебного заведения не отмечал.

Сравнительно подробную информацию о Русском институте сельскохозяйственной кооперации приводит в своих мемуарах Н. Е. Андреев. Приехав в Прагу из Эстонии, он был зачислен в Карлов университет на философский факультет и одновременно в Кооперативный институт. В целом сочувственно отзываясь о последнем («Институт был построен исключительно на русских силах. Это был любопытный коллектив, который работал с увлечением. Программа была большая, основной курс — 2 года»), Андреев тем не менее обращал внимание на то, что, например, при изучении общеобразовательных предметов «объем знаний, полученных в гимназии», позволил ему «добавить для программы этого университета знания лишь по математике» [Андреев 2008, с. 240–241]. Андреев кратко перечислил профессоров, преподававших в институте, причем нетрудно заметить, что иногда это те же фамилии, что и на РЮФ. Так, «введение в политэкономия читал отличный лектор и теоретик Дмитрий Николаевич Иванцов», бывший профессор Харьковского университета. «Он читал общую теорию права и введение в разные права, читал гражданское право и основы уголовного права. Другие права чрезвычайно увлекательно читал Аркадий Николаевич Фатеев из Юрьевского университета». Экономическую географию и некоторые другие предметы преподавал основоположник евразийства, доцент Петр Николаевич Савицкий («Интересный и конструктивный ум. Я многим обязан общению с ним», — отмечал Андреев). Вновь встречается и фамилия профессора Тотоманца, который читал историю кооперативных движений. Андреев оставил яркую характеристику этого преподавателя: «Он все время странствовал, и его называли “блуждающий Тотоманц”, он читал курс еще в Берлине и в Париже. Читал очень хорошо. Он был почти слеп

и узнавал всех своих слушателей по голосам. По тому, как ему сдавали экзамены, он запоминал слушателя на всю жизнь. Редко путал голоса». Вспоминал Андреев также профессора Вилкова, читавшего финансовое право; специалиста по бухгалтерии, основам счетоводства, и всего, «что нужно для введения в кооперативное дело» А. А. Зеньковского («величайший практик, читал талантливо, и мы слушали его с интересом»). Вывод Андреева о времени, проведенном в Кооперативном институте, вполне доброжелателен по отношению к этому учебному заведению. Хотя основным своим университетом историк считал Карлов и карьеру сделал потом совсем не в области сельского хозяйства, он отмечал, что лекции в институте не были для него потерей времени: «Они расширили мой горизонт. Почти каждый лектор написал свой курс, и они были размножены на ротаторах. Зачеты и экзамены, которые мы сдавали весной, запечатлевались в памяти, и я должен сказать, что целый ряд понятий о хозяйстве, организации общества я получил благодаря моим русским преподавателям, и получил в хорошей форме, потому что они уже имели опыт социалистических теорий в России и относились к ним критически — очень сдержанно» [Андреев 2008, с. 241].

Подводя итог, следует вновь подчеркнуть, что мемуарные свидетельства — важнейший источник по истории высшего образования русской эмиграции, но составить полное представление о нем только на основании воспоминаний невозможно: это слишком субъективный источник, и только комплексный подход даст возможность представить картину высшего образования русской эмиграции во всей полноте.

Источники и литература

- Алексеев Н. Н.* Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет // Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. С. 216–220.
- Андреев Н. Е.* То, что вспоминается. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 640 с.
- Волошина В. Ю.* Подготовка научно-педагогических кадров в вузах русского зарубежья в 1920–1930-е гг. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2005. № 288. С. 176–181.
- Ганин В. В.* Профессура и студенчество Русского юридического факультета в Праге (1922–1930-е гг.) // Юридическое образование и наука. 2005. № 3. С. 37–43.
- Головина А.* Вилла «Надежда». М.: Современник, 1992. 366 с.
- Демина Л. И., Евсеева Л. И.* Русские историки-эмигранты в Праге: к изучению их жизни и научного творчества // Новый исторический вестник. 2013. № 4. С. 139–151.
- Зеньковский В. В.* Из моей жизни: воспоминания. М.: Дом русского зарубежья имени А. И. Солженицына; Книжница, 2014. 464 с.
- Ковалев М. В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов: СГТУ, 2012. 408 с.
- Лосский Б. В.* В русской Праге (1922–1927) // Минувшее. Исторический альманах. Т. 16. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 7–79.
- Лосский Н. О.* Воспоминания. Жизнь и философский путь. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 360 с.
- Мейснер Д.* Миражи и действительность: записки эмигранта. М.: Изд-во АПН, 1966. 303 с.
- Михальченко С. И.* Документы Е. В. Спекторского в архиве Института Восточной Европы Бременского университета // Отечественные архивы. 2011. № 6. С. 64–68.
- Михальченко С. И., Ткаченко Е. В.* Е. В. Спекторский в эмиграции // Славяноведение. 2009. № 1. С. 14–24.
- Новиков М. М.* От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. М.: Изд-во МГУ, 2009. 310 с.
- Пушкарев С. Г.* Воспоминания историка. 1905–1945. М.: Посев, 1999. 112 с.
- Русские без отечества: очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. 2-е изд. / отв. ред. С. В. Карпенко. М.: Изд-во Ипполитова, 2015. 378 с. URL: <http://elibrary.ru/download/67031075.pdf> (дата обращения: 25.12.2015).

- Савицкий И. «Русский Оксфорд» в Праге. 1919–1928 гг. // Записки Русской академической группы в США. Т. XXXI. Нью-Йорк: The Association of Russian-American Scholars in USA, 2001–2002. С. 87–115.
- Спекторский Е. В. Воспоминания // Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv (FSO). 01–30.230. II.
- Федоров Г. Прага Золотая. Л.; М.: Книга, [1927]. 190 с.
- Федоров Г. Путешествие без сентиментов // Белое дело. Избр. произв.: в 16 кн. / под ред. С. В. Карпенко. Кн. 13: Константинополь — Галлиполи. М.: РГГУ, 2003. С. 173–313.
- Федоров Ф. П. Мемуары как проблема // Мемуары в культуре русского зарубежья: сб. статей / отв. ред. А. Данилевский. М.: Флинта; Наука, 2010. С. 5–15.

Для цитирования: Михальченко С. И., Ткаченко Е. В. Русские высшие учебные заведения Праги 1920–1930-х годов глазами эмигрантов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 3. С. 96–106. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.308

References

- Alekseev N. N. Iz Tsargrada v Pragu. Russkii iuridicheskii fakultet [From Constantinople to Prague. Russian faculty of law] Pashuto V. T. *Russkie istoriki-emigranty v Evrope* [Russian emigre historians in Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 216–220. (In Russian)
- Andreev N. E. *To, chto vspominaetsia* [What comes to mind]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2008. 640 p. (In Russian)
- Voloshina V. Iu. Podgotovka nauchno-pedagogicheskikh kadrov v vuzakh russkogo zarubezh'ia v 1920–1930-e gg. [Training of the teaching staff in universities of Russian emigration in 1920–1930s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Tomsk State University], 2005, no. 288, pp. 176–181. (In Russian)
- Ganin V. V. Professura i studenchestvo Russkogo iuridicheskogo fakulteta v Prage (1922–1930-e gg.) [Professors and students of the Russian law faculty in Prague (1922–1930-s)]. *Iuridicheskoe obrazovanie i nauka* [Legal Education and Science], 2005, no. 3, pp. 37–43. (In Russian)
- Golovina A. *Villa “Nadezhda”* [Villa “Hope”]. Moscow, Sovremennik Publ., 1992, 366 p. (In Russian)
- Demina L. I., Evseeva L. I. Russkie istoriki-emigranty v Prage: k izucheniiu ikh zhizni i nauchnogo tvorchestva [Russian émigré historians in Prague: the study of life and scientific creativity]. *Novyi Istoricheskii vestnik* [The New Historical Bulletin], 2013, no. 4, pp. 139–151. (In Russian)
- Zenkovskiy V. V. *Iz moei zhizni: vospominaniia* [From my life: Memories]. Moscow, ed. by Dom russkogo zarubezh'ia imeni A. I. Solzhenitsyna [House of Russian Diaspora Abroad named after A. Solzhenitsyn], Knizhnitsa Publ., 2014, 464 p. (In Russian)
- Kovalev M. V. *Russkie istoriki-emigranty v Prage (1920–1940 gg.)* [Russian émigré historians in Prague (1920–1940s)]. Saratov, Saratov State Technical University Press, 2012, 408 p. (In Russian)
- Losskiy B. V russkoi Prage (1922–1927) [In Russian Prague (1922–1927)] *Minuvshee. Istoricheskiiy almanah* [Past. Historical Almanac]. Vol. 16. Moscow, St.Petersburg, Athenaeum Publ., Phoenix Publ., 1994, pp. 7–79. (In Russian)
- Losskiy N. O. *Vospominaniia. Zhizn i filosofskii put* [Memories. Life and philosophical path]. St.Petersburg, St. Petersburg State University Press, 1994, 360 p. (In Russian)
- Meysner D. *Mirazhi i deistvitelnost: zapiski emigranta* [The Mirages and reality: notes of an immigrant]. Moscow, APN Publ., 1966, 303 p. (In Russian)
- Mikhailchenko S. I. Dokumenty E. V. Spektorskogo v arkhive Instituta Vostochnoi Evropy Bremenskogo universiteta [The E. V. Spector's documents in the archives of the Research Centre for Eastern Europe, Bremen University]. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic Archives], 2011, no. 6, pp. 64–68. (In Russian)
- Mikhailchenko S. I., Tkachenko E. V. E. V. Spektorskii v emigratsii [E. V. Spector's in exile]. *Slavianovedenie* [Slavic Studies], 2009, no. 1, pp. 14–24. (In Russian)
- Novikov M. M. *Ot Moskvy do N'iu-Iorka: moia zhizn v nauke i politike* [From Moscow to New York: my life in science and politics]. Moscow, Moscow State University Press, 2009, 310 p. (In Russian)
- Pushkarev S. G. *Vospominaniia istorika. 1905–1945* [Reminiscences of the historian. 1905–1945]. Moscow, Posev Publ., 1999, 112 p. (In Russian)
- Russkie bez otechestva: ocherki antibolshevistskoi emigratsii 20–40-kh godov* [Russians without homeland: Essays of anti-Bolshevik emigration 20–40s]. 2nd ed., ed. by S. V. Karpenko. Moscow, Ippolitov Publ., 2015, 378 p. (in Russ.). Available at: <http://elibrary.ru/download/67031075.pdf> (accessed 25.12.2015).

- Savitskii I. «Russkii Oksford» v Prage. 1919–1928 gg. [“Russian Oxford” in Prague. 1919–1928]. *Zapiski Russkoi akademicheskoi gruppy v SShA* [Transactions of the Association of Russian-American Scholars in U. S. A.]. Vol. XXXI. New York, The Association of Russian-American Scholars in USA Publ., 2001–2002, pp. 87–115. (In Russian)
- Spektorskii E. V. Vospominaniia [Memoires]. *Forschungsstelle Osteuropa an der Universät Bremen. Historisches Archiv* [Research Centre for East European Studies at Bremen University. Historical Archive] (FSO).01–30.230. II. (In Russian, unpublished)
- Fedorov G. *Praga Zolotaia* [Golden Prague]. Leningrad; Moscow, Kniga Publ., [1927], 190 p. (In Russian)
- Fedorov G. Puteshestvie bez sentimentov [Journey without sentimentality]. *Beloe delo. Izbrannye proizvedeniia. Kn.13: Konstantinopol — Gallipoli* [The White movement. Selected works. Vol. 13: Constantinople — Gallipoli]. In 16 vols. Ed. by S. V. Karpenko. Moscow, Russian State University of the Humanities Press, 2003, pp. 173–313. (In Russian)
- Fedorov F. P. Memuary kak problema [Memoirs as a problem]. *Memuary v kulture russkogo zarubezh'ia* [Memoirs of the Russian émigré culture. A collection of articles]. Ed. by A. Danilevskii. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2010, pp. 5–15. (In Russian)

For citation: Mikhalchenko S. I., Tkachenko E. V. Russian higher educational institutions of Prague in the 1920–1930-s through the eyes of emigrants. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2016, issue 3, pp. 96–106. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.308

Статья поступила в редакцию 16 января 2016 г.; рекомендовано в печать 21 июня 2016 г.